

Сергей Юрский: «ВСЕГДА БУДУ С ТЕАТРОМ...»

ТЕАТР — это всегда страсти. Страсти на сцене, страсти в зрительном зале... Страсти, открывающие в нас то, чего мы сами не знали о себе, обнажающие наши чувства, дающие абсолютную возможность почувствовать грани собственной души; то бросающие нас в жар тревоги и страдания, то поднимающие до детской радости, до великого, открыть которое, оказывается, так легко и просто.

Я не стану спорить с поклонником кино. Ему, конечно, видятся свои прелести в этом жанре. Но может ли быть что-либо сильнее живой страсти, живых чувств актера—всего того, к чему невозможно оставаться равнодушным? Ведь театр—это вы, уходящий из зала с беспокойным, взволнованным сердцем. Это актер, уставший, взмокший, только что проживший за короткий час огромную жизнь своего героя, отдавший зрителю без остатка свои силы, выплеснувший ему гнев и радость своей души.

Едва ли будут спорить и со мной: хорошо известные нам по сыгранным ролям в кино артисты, они, несомненно, больше делают в театре. И те из них, кого беспощадно эксплуатирует кинематограф, несмотря на успех и славу, ни за что не изменяют театру. Десятки самых красноречивых актерских сулей подтверждают эту истину. И судьба Сергея Юрского тоже...

В ЛЕНИНГРАДЕ, на набережной реки Фонтанки, в академическом Большом драматическом театре имени М. Горького заслуженный артист РСФСР Сергей Юрский играет самые разноплановые роли. Здесь и король Генрих IV из одноименной исторической хроники В. Шекспира, и профессор Полежаев из нестареющей «Беспокойной старости» Л. Рахманова, Виктор Франк из «Цены» А. Миллера, Эзоп из «Лисы и винограда» Л. Фигерейдо...

О Юрском говорят как о добром и простом. Говорят: если бы он не стал актером, то непременно из него получился бы или поэт, или композитор, или художник. Все дело в том, что Сергей Юрский талантливый человек. Он работает до полного изнеможения, а очевидцы утверждают: он никогда не устает.

Репетиции, индивидуальные занятия, спектакли, концерты... В Париже, Братиславе, Хельсинки о нем писали восторженные рецензии. Юрский—кумир и ленинградских театралов. Там так и говорят: «Идем на Юрского», как ходят в этот театр — на Лаврова, Копеляна, Стрельчика...

...Два вечера в разные стороны Ленинграда — по домам — нас развозили последние троллейбусы. Два вечера я слушал Юрского, его рассказ о себе, о театре. Он говорил увлеченно, а я задавал и задавал вопросы...

— Сергей Юрьевич, как вы пришли в театр?

— Иной мечты в детстве у меня не было. И все, что касалось планов на будущее, для меня не мыслилось без театра. В 1957 году поступил в Ленинградский институт театра и кино. Будучи студентом третьего курса, получил первую роль в БДТ. С тех пор здесь. Доволен ли актерской судьбой? Наверное, нет. Всем кажется, что главное, особенное дело впереди. Так кажется и мне.

— А какая роль вам особенно дорога?

— Все сыгранное в театре дорого. С каждой ролью связан определенный этап жизни, проведенный в поисках, а значит, в разочарованиях и находках. Из наиболее любимых, пожалуй, заглавная роль в спектакле «Я, бабушка, Илья и Илларион» Н. Думбадзе, Виктор Франк в «Цене», король Генрих IV.

— А в кино?

— Тут у меня несколько иначе. Ни один из моих фильмов, начиная с «Че-

ловека ниоткуда» до «Короля-оленья» не принес полного удовлетворения. Разве что «Золотой теленок»... Предложения бывают, но чаще всего они мало интересны. И потом, за свою киносудьбу я не так уж и волнуюсь, потому что театр для меня первичен.

— Интересно, Сергей Юрьевич, как вы настраиваетесь к спектаклю? Вот, скажем, перед «Беспокойной старостью», где ваш герой в два с лишним раза старше вас.

— Я мало что открою, утверждая, что основа роли — ее пластическое решение. И в первую очередь, настраиваясь, я представляю себе рисунок, внешний ее облик. И тут для меня имеет значение всякая деталь. Скажем, мне нужно почувствовать, что руки по отношению к коленям находятся в нужной мне пропорции. Иначе я не могу. И еще. Совсем не нужно зрителю на протяжении всего спектакля показывать, как Полежаев движется старческой походкой. Достаточно первых двух—трех картин, чтобы сложился зрительный образ героя. Все же остальное, конечно, должно оправдаться внутренним состоянием.

— Кстати сказать, что есть для вас зритель?

— У театрального актера есть великое преимущество перед коллегой по кино—ощущать зрителя. Быть может, поэтому театр для меня особенно дорог. Есть спектакли, в которых я просто жду зрительской реакции, как импульса к дальнейшим действиям на сцене. В иных, особенно когда между настро-

нием и работой нет конфликтов, я не думаю о том, как среагирует зал на реплику или жест.

— А с кем из актеров вы чувствуете себя на сцене превосходно?

— Народный артист СССР. Георгий Товстоногов — наш режиссер — воспитал отличных артистов. Можно назвать И. Смоктуновского, Т. Дорони-ну, П. Луспекаева... Мне всегда хорошо с моим другом Олегом Басилашвили, Олегом

Борисовым, Владиславом Стрельчиком...

— Сергей Юрьевич, что бы вы пожелали молодым людям, мечтающим стать артистами?

— Наше дело не легкое. Но кто и что может сравниться с человеком, доставляющим духовное наслаждение людям? Нужно слиться с любимым делом. Это трудно. Но лучше преодолеть эту трудность, нежели постоянно заставлять себя работать. Не зная покоя, отдыхать работая и работать отдыхая. Творчество — не сплошные лавры. Непрестанный поиск — вот в чем залог успеха.

— И, конечно, хотелось бы знать о ваших планах на будущее.

— Мое будущее — это и планы театра. В ближайшем времени выйдет «Ревизор» Н. Гоголя, в котором я буду участвовать. Затем примусь за осуществление своей мечты. Буду ставить «Мольера» М. Булгакова. Театр... Я всегда буду с ним.

Я ПОЖЕЛАЛ Юрскому новых творческих удач. А он написал на программке: «Привет г. Гродно, в котором я никогда не был. А жаль. Всего хорошего. Сергей Юрский».

Закрылась дверка последнего троллейбуса, который помчал его по Московскому проспекту. Завтра в семь тридцать снова распахнется занавес. Завтра — трудный спектакль...

Р. БЕЛЬСКИЙ.